

ЦЕНТРАЛЬНАЯ Москва находится сейчас примерно в середине своего зимнего сезона. В одной статье, естественно, не скажешь о всем поводом, что увидели зрители. Но поставил ослепительный вопрос. Вопрос, решением которого, собственно, и должен был устать заниматься театр: создано ли в этом сезоне произведение сцены, в котором бы наш современник предстал перед зрителем таким, каков он есть на самом деле? Был ли спектакль, после которого зритель мог смело заявить: это я! А если не я, то мой сосед, сослуживец, друг... Да, **ЗРИТЕЛЬ ЖДЕТ**

от театров создания героя, он хочет слышать правду о нем. Чтобы юные брали его в образец, а старшие говорили: такими были мы или такими хотели быть.

Нынешний сезон уже подарил зрителям ряд оригинальных пьес, вызвавших всеобщее внимание.

Правды неправдой не прикрывай! Эта мысль занимает героев пьесы А. Корнейчука «Страница дневника» (Малый театр. Постановка Е. Симонова).

Художник Богутковский когда-то голочил премия за портреты, сделанные по открыткам. Теперь у него этот фокус не проходит. Но Богутковский все еще не может примириться с переменами, отсюда его творческий и душевный кризис. Но эта пьеса не только о художнике, растратившем свой талант, «подхалимничая перед властью и мушкетерами». В ней мы найдем рассуждения о реализме и формализме, об искоренении персонификации, связанных с культом личности, о вреде штурмовщины на производстве, об идеальном герое, о «маяках» в промышленности и во всех областях жизни, о помощи слабо развитым странам, о верности тем, «кто солдатскую славу кровью добывал»; говорится о том, что «поддерживать надо каждую честную мысль, сколь бы горькой она ни была...», о проблеме отцов и детей — и это еще не все.

Такой широкий охват серьезных тем, половина из которых могла бы стать предметом глубокого художественного исследования, таит в себе определенную опасность оказаться в лоне иллюстративности и декларативности. Не получилось ли так в данном случае?..

Упомянем еще одно действующее лицо, которое получает от окружающих наибольшее количество комплиментов и которое, видимо, должно выполнять важную роль в авторской концепции. Речь идет о рабочем-строителе сварщике Манаре Браге. Он передовик производства, «маяк», работал за границей в одной тропической стране на мирной стройке, любит музыку, наделен природным юмором, правда, не самого тонкого свойства:

ЮЛЯ. Пусти... (Вырвалась, смотрит на руки). Сняли ведь будет... и вот так!

МАКАР. Я же осторожно.

ЮЛЯ. Посмотри... А еще за границу ездил. Там, небось, девчата в синяки не ходят?

МАКАР. Ну да. Во всем мире ходят. Только у черных незаметно.

Но не только в юморе дело. Макару слишком мало действует, слишком обделен поступками, чтобы стать полнокровным художественным образом и обрести притягательную для зрителя силу. Даже любовь и Юля не раскрывает в нем достаточно индивидуальных и ярких черт.

Кстати говоря, тот необходимый процент так называемых пьес о любви, который поступает каждый сезон, не уменьшился, а может быть, и возрос. Познаем в первую очередь «104 страницы про любовь» молодого Э. Радзинского и «Мой бедный Марат» маститого А. Арбузова. Обе повествуют

О «НЕЖИВОЙ СТРАСТИ» преимущественно, так сказать, зрячую. И хорошо. Вся русская классическая литература поверяла ценность героя отношением к любимой. Отчего и сегодня не попробовать? Было бы о самой любви сказано новое и выделось бы за ней нечто значительное!

У И. Голосовского в «Повести о спасенной любви» муж, много лет проживший с женой, одержим подозрительностью: ему все кажется, что она не может забыть одиночества, которого однажды встретила на пароходе и который спас ей жизнь, когда пароход, к несчастью, стал тонуть. Нанизав цепь фантастических обстоятельств, драматург заставил мужа найти того храбреца (геолог, самодельный художник, обаятельный человек), привести к себе в дом, отдать ключи и красноразлично. Под занавес все окончательно могут убедиться в абсолютной приматности и душевной адекватности этого персонажа, а задна и в том, что им целый вечер зря морочили голову. Ибо «подвиги» мужа никому не нужны, спасать любовь было не от кого. Жена, оказывается, всегда любила и любит только его. Просто муж, к сожалению, настолько слеп, что ничего этого не разглядит. Хотя время было...

Театр имени Пушкина, правда, уже второй сезон «крутит» этот любовный детектив на своих подмостках. Что ж, ему виднее...

Арбузов в отличие от Голосовского — драматург-мастер. Он не поставил зрителя в тупое положение, не вернул Лику ее законному супругу Леонидку, хотя и прожил они вместе тринадцать лет. Марат заберет ее по праву, как оштрафившийся, но победивший.

Режиссер А. Эфрос с полным уважением отнесся к пьесе «Мой бедный Марат». Она играет в Театре имени Ленинского комсомола

так неторопливо и вздумавшо, что есть возможность во всем разобратся. Оставляя специальное рецензирование на будущее, обратимся сразу к финалу, в котором сосредоточена вся идея произведения. Лику спрашивает Марат: «Сколько ты их выстроил, своих мостов?». Тот отвечает: «Шесть».

ЛИКА. Вот видишь! И платают его стихи (Леонидка.— Д. О.). А я, ячу людей. Все, о чем мы мечтали, осуществилось!

Действительно, осуществилось. И тем не менее Лику с Леонидкой считают, что чуть ли не Марат основной виновник их трудного душевного состояния, что он вообще в свое время напрасно уезжал от них, покинул, лишив друзей моральной поддержки. Тогда Марат спрашивает: «Я» считаешь виновным, по которому и сделал это, великим?». И вот ответ Леонидки: «Для обыкновенного человека, пожалуй. Но ты Марат».

Ремарки об иронической интонации в последней фразе нет, поэтому мы можем воспринимать ее всерьез.

Значит, Марат человек необыкновенный. Почему? Потому ли, что, действуя по принципу неумудрой, уходит? Это заурядно! Или потому, что на груди его — звезда Героя? Для доказательства «необыкновенности» героя художественного произведения это признак все-таки чисто внешний.

Да и так ли должны отвечать герои, когда их спрашивают: «А ну-ка, предьяви права на прокурорский тон, друг любезный», как ответил Марат.

— Тринадцать лет назад я оставил вас вдовой в этой комнате... В комнате, где прошло мое детство. (Задыхаясь от волнения). Вот почему и могу спрашивать тебя любимым тоном — любим, поняла? — вы счастливы?

Согласитесь, что в волнении герой выбирает аргумент не самый удачный. Отдать комнату (или, скажем, холодильник, радио, пылесос, телевизор «Темп») — это еще не значит получить право разговаривать «любимым тоном».

Так «необыкновенный» Марат на поверку действительно оказывается бедным Маратом. И его озарение — «даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала» — выглядит в результате не очень-то заразительно.

Евдокимов из пьесы Э. Радзинского «104 страницы про любовь» (в том же Театре имени Ленинского комсомола) все «закручен» на современных свечках, интонациях, «хохмах». Он физик (модно!), он песенки сочиняет (совсем модно!) — «сидит доктора наук, познание, пысье... и поют» его «песни про пиратов». Он влюблен в стюардессу — тоже современно звучит.

Если бы автор остановился на этих чисто внешних приметах сегодняшнего дня, он потерпел бы поражение. Но он пошел дальше, подметив действительно существующую черту в характере некоторых современных молодых людей: этукую браваду своей сдержанностью, умением посмеяться над тем, что очень ответственно, самоуверенностью напоказ, когда разговаривать серьезно о работе, о любви запрещается. Когда слова — игривая накидка, срывающаяся смысл.

Евдокимову нет пужды, как Марату, начинать все сначала. Он еще не успел натворить ошибок. Он убежден, что шагает правильно. Он бодр и самоуверен, пока не встречает Наташу, которая «хочет уважения».

И происходит то, что всегда в подобных случаях происходит. Настоящая любовь смигает в своем пламени слова-ширма. Душа, как отырытая, незащищенная рана, требует врачевания подлинного, а не мнимого. И «современная» Наташа вдруг высказывает неудовлетворение: «Ну вот, мы так все время; «Дурак, дуручка»... и больше ничего не можем сказать». И Евдокимов, этот твердокаменный физик, клянется: «Я напишу стихи о твоих волосах. Сентиментальные стихи о твоих волосах». Любовь формирует и очищает его и, может, совсем бы очистила, не погуби автор свою героиню в самом конце действия...

При всех недостатках и противоречиях, имеющихся в пьесе, Евдокимов выглядит более живым человеком, чем Марат, потому что он родин откровеннее и в общем беззависти на исключительность.

Можно ожидать, что далеко **НЕ ВСЕ СОГЛАСЯТСЯ** с мыслями, высказанными в этой статье. Так оно и должно быть: пока в искусстве идут споры, за его здоровьем опасаться не приходится. Хочется только подчеркнуть, что критические замечания в адрес отдельных произведений, впервые поставленных в нынешнем сезоне, отнюдь не означают полного отрицания имеющихся в них очевидных достоинств. Больше того, для разбора хотелось влить именно произведения высокой драматургической кондиции, которые успешно идут и будут идти в театрах.

А как же с тем вопросом, который поставлен в начале заметок? Предстал ли на сцене наш современник в полный рост? Тут мы попросим вспомнить критические замечания, и это будет ответом.

Жизнь развивается бурно. Театр призван отразить эту рост и способствовать ему. И тут нужен поиск, нужен эксперимент. Драматургия ищет. Доказательства тому налицо.

Д. ОРЛОВ.